

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119
EDN: YXWVNE

ИНФАНТИЛЬНЫЕ ИЛИ ОТВЕТСТВЕННЫЕ: СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В БРАЧНО-СЕМЕЙНОЙ И РЕПРОДУКТИВНОЙ СФЕРАХ

Александрова О. А.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)
НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы (НИИОЗММ ДЗМ)
(115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9)*

E-mail: a762rab@mail.ru

Для цитирования:

Александрова О. А. Инфантильные или ответственные: студенческая молодёжь о новых тенденциях в брачно-семейной и репродуктивной сферах // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51. – С. 107-119. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119; EDN: YXWVNE

Аннотация. В последние десятилетия в российском обществе наблюдаются тенденции, негативно сказывающиеся на демографической динамике: увеличение возраста вступления в брак, откладывание рождения первого ребёнка, ориентация на малое число детей, высокие показатели числа разводов и абортов. И уже общим местом стали упреки современной молодёжи в гедонизме и инфантилизме, озабоченности в первую очередь собственной карьерой и материальным обустройством, а не созданием семьи. Однако последнее входит в противоречие с артикулируемой молодёжью системой ценностей, в которой первые места неизменно занимает «семья». В статье предпринята попытка ответить на вопрос, имеет ли место ценностный сдвиг или даже конфликт, или же одно является необходимым условием реализации другого. Эмпирической основой послужили результаты социологического исследования, цель которого состояла в выявлении представлений и установок студенческой молодёжи, касающихся новых тенденций в области брачно-семейных отношений и репродуктивного поведения. Полученные данные говорят о том, что молодёжь, действительно, настроена откладывать заключение брака и рождение первого ребёнка на более поздние сроки. Однако, судя по тому, какие ассоциации преимущественно вызывает слово брак; какие смыслы вкладываются респондентами в рождение ребёнка; каким им видится идеальное количество детей и число детей, на которое ориентируются они сами; каково их отношение к многодетным семьям, оказанию помощи старшим поколениям, причины этого — не в снижении ценности семьи и родительства. И не в инфантилизме: напротив, в ответах звучит тема «ответственности», которая во многом сопрягается с возможностью надёжно обеспечить семью. Подобные установки являются реакцией молодёжи на сложившийся социально-экономический контекст, соответственно, изменения моделей репродуктивного поведения можно ожидать при его существенной корректировке, переходе от набора ситуативных мер к полноценной социальной политике.

Ключевые слова: молодёжь, студенты, брак, семья, дети, родители, семейные отношения, репродуктивное поведение, ценности, установки.

Постановка проблемы

В последние десятилетия в российском обществе наблюдаются тенденции, негативно сказывающиеся на демографической динамике: увеличение возраста вступления в брак, откладывание рождения первого ребёнка, ориентация на малое число детей, высокие показатели числа разводов и аборт. Подобные сдвиги говорят об изменениях в брачно-семейных и репродуктивных установках. Уже общим местом стала констатация того, что современная молодёжь, в том числе девушки, в первую очередь озабочены собственной карьерой и материальным обустройством, а не созданием семьи; что с учётом раннего начала половой жизни приводит к распространению добрачных отношений, при этом сожитительство, более благозвучно именуемое «гражданским браком», становится не просто их формой, но нередко и принципиальной позицией. На этом фоне стало принято упрекать молодёжь в гедонизме, эгоцентризме, инфантилизме, а применительно к самому институту семьи говорить о его девальвации в глазах новых поколений россиян. Кажется, что негативно влияющая на брачно-семейное и репродуктивное поведение ориентация молодёжи на материальные ценности и индивидуальное развитие входит в противоречие с артикулируемой ею же системой ценностей, в которой первые места неизменно занимает «семья». Однако, действительно ли имеет место ценностный конфликт? Поиску ответов на этот вопрос и было посвящено исследование, цель которого состояла в изучении брачно-семейных и репродуктивных установок молодёжи, в данном случае — студенческой.

Степень разработанности проблемы

Процесс формирования и трансформации ценностей, их классификация, природа взаимодействия давно находятся в фокусе внимания исследователей. В своё время М.Рокич предложил различать имеющие экзистенциальный характер терминальные ценности и ценности инструменталь-

ные, отражающие устойчивые представления об эффективных средствах достижения ценностей-целей. В свою очередь Н.И.Лапин описывает ценностную структуру как иерархическую систему с малоподвижными полюсами и двумя группами способных перемещаться вверх и вниз «средних» ценностей, при этом ценности второго порядка могут возвыситься до ценностного ядра либо, напротив, стать ценностями третьего порядка, а последние — поднестись в группу «ядерного резерва» либо стать частью ценностного «хвоста» [1]. Психологи говорят о трёх формах существования ценностей: выработанных общественным сознанием идеалах; воплощении этих идеалов в объективированной или материальной форме; элементе психологической структуры личности, факте сознания, детерминанте отношений индивида с окружающей средой, мотивов его поведения [2].

Очевидно влияние, которое на идеалы и ценности, в том числе затрагивающие сферу брачно-семейных отношений, оказывают экономические и социальные перемены. Так, возможность (в силу развития экономики, технологий, социального государства) на приемлемом уровне удовлетворять первичные потребности ведёт к формированию более высоких социальных запросов, связанных с качеством жизни, самореализацией личности и так далее. На этом фоне одни видят ключевую причину снижения рождаемости в исчезновении экономической мотивации деторождения, а другие настаивают на аксиологической природе эволюции демографических процессов, полагая, что, хотя смена семейной экономики рыночно-индустриальным капитализмом и важна, семейная мораль способна противостоять развалу личных установок на рождаемость [3].

Применительно к ценностям российской молодёжи также сложились две точки зрения. Одна состоит в том, что ценности инструментализируются, приоритет отдаётся ценностям материального порядка и индивидуализма, ценности же семьи и родительства имеют тенденцию к разрушению, чему способствует нарастание инфантилизма,

связанного с неуверенностью в будущем «тяготения к эскапизму и откладыванию значимых решений» [4], а также порождённой виртуализацией общения эмоциональной незрелостью и «аутизацией» [5]. Другая — в том, что ценности семьи и родительства у молодёжи по-прежнему высоки, ассоциативный ряд в отношении этих понятий у молодого и старшего поколений сходен [6]. И тот, и другой взгляд основываются на данных социологических исследований, согласно которым в системе ценностей молодёжи одновременно в качестве ведущих присутствуют ценности семьи, материального благополучия, здоровья, карьеры, дружбы, свободы. Методологическое разрешение проблемы подобного смешения ценностей ищется на пути их рассмотрения в трех измерениях: «социально-биологическом» (где присутствуют семья, здоровье и друзья), «материально-экономическом» (работа, карьера, деньги) и «институциональном» (по сути — гражданском, связанном с отношением к власти, стране, религии и тому подобному) [7].

Эмпирические данные были собраны в ходе социологического исследования¹, включавшего в себя массовый опрос и серию фокусированных групповых интервью. Респондентами выступили студенты всех ступеней обучения Финансового университета при Правительстве РФ (московская площадка), было опрошено 395 человек (62% — девушки и 38% — юноши). Основную часть составили 17–19-летние (34%) и 21–22-летние (55%) респонденты, в подавляющем большинстве — холостые/незамужние (4% респондентов находятся в зарегистрированном браке, 9% — сожительствуют); 45% — коренные москвичи, 9% — прибыли из городов-миллионников, 29% — из городов с населением свыше 100 тыс. человек; остальные — из малых городов и сел (последних — 5%). Более половины опрошенных работают: 32% — на постоянной

основе, 26% — имеют нерегулярную занятость. Чуть более половины респондентов в качестве основных источников средств назвали помощь родителей, 33% — свою заработную плату, 6% — зарплату супруга/сожителя («партнёра»), 9% — стипендию. Что касается проживания, то 18% — живут одни и 13% — с супругами или сожителями, остальные — с родителями (преимущественно) или другими родственниками. Почти половина респондентов выросла в семье с двумя детьми, ещё 36% были единственным ребёнком, остальные — выходцы из многодетных семей. Анкета и сценарий четырёх фокус-групп (по 6 участников, по полам юноши и девушки) включали в себя три содержательных блока: выяснение отношения молодёжи к современным тенденциям в сфере брачных, внутрисемейных отношений и репродуктивного поведения.

Результаты исследования

Мнения респондентов о серьёзности изменений в брачно-семейных отношениях разделились: 58% они кажутся незначительными, 39% — радикальными. При этом 53% считают произошедшие изменения в целом положительными, в качестве таковых в ответах на открытый вопрос практически все отмечали усиление равноправия полов и самостоятельности женщин. Среди негативных тенденций назывались рост числа разводов, откладывание заключения брака и рождения детей и в принципе несерьёзный подход к созданию семьи. По вопросам о браке, рождении детей, внутрисемейных отношениях абсолютное большинство студентов находит общий язык с родителями и более старшими родственниками: 35% — в основном, у ещё 55% — незначительные расхождения. На радикальное несходство взглядов указали 10% респондентов.

Отношение к браку. В представлениях опрошенных студентов брак — это, прежде всего, «союз с целью создания семьи и рождения детей» — 26%, «логичный шаг в развитии отношений между мужчиной и женщиной» — 20% и «показатель серьёзности отношений между мужчиной и жен-

¹ Речь идёт о выпускной квалификационной работе «Отношение московского студенчества к новым тенденциям в сфере материнства и детства», подготовленной в 2019 г. студентками факультета социологии и политологии Финансового университета при Правительстве РФ Елдиковой А. Т. и Садык В. М. под научным руководством автора.

щиной» — 16% (ещё 13% расшифровали его как «общий быт и общий семейный бюджет», остальные варианты ответов набирали 1–4% голосов). Слова «семья», «любовь», «ответственность» чаще всего повторялись и в ответах на открытый вопрос о связанных с браком ассоциациях, и в качестве причин, побуждающих заключать браки, чаще всего назывались «любовь» — 29% и «желание создать семью, родить детей» — 28% (ещё 17% респондентов выбрали вариант «традиции», 14% — «беременность/рождение ребёнка» и 11% — «желание стать независимыми от родителей»). Особенно часто мотив любви и желания родить ребёнка называли девушки, юноши же чаще указывали на фактор незапланированной беременности и силу традиций. Респонденты, у которых есть взаимопонимание со старшим поколением, видят в браке показатель серьёзности отношений и логичный шаг в их развитии; те же, у кого его нет — «лишнюю волокиту с документами» и «ни к чему не обязывающий штамп в паспорте».

Наиболее подходящим для вступления в брак большинству респондентов (59%) видится возраст 25–30 лет, остальные разделилась пополам — на указавших более юный возраст и на тех, кто считает, что возраст не имеет значения. В ходе фокус-групп все участники отмечали разницу возраста вступления в брак для мужчин и женщин: *«Для парней это возраст 25–30 лет или даже выше, потому что мужчина должен жениться тогда, когда может материально обеспечить себя и взять ответственность за семью»*. Некоторые настаивали на том, что это относится и к женщинам: *«Самый приемлемый возраст — после 30 лет, когда оба уже состоялись как личности, имеют определённый опыт за плечами и точно осознают, что готовы к созданию семьи»*.

Причину того, что они сами не состоят в браке, респонденты объясняли тем, что им ещё не встретился подходящий человек (40%), своей неготовностью к столь ответственному шагу (24%), а также отсутствием возможности (своей или партнёра) содержать семью (19%). При этом, если 17–19-летние респонденты в основном объясняли

свой холостой/незамужний статус тем, что пока не встретили подходящего человека, то среди 20–22-летних оказалось больше всего тех, кто в качестве причин называли возражения родителей либо принципиально негативное отношение к институту брака со стороны партнёра; 23–25-летние чаще других ссылались на невозможность содержать семью, а ещё более взрослые — на неготовность к такому серьёзному шагу их партнёра.

«Подходящий» для брака человек должен быть верным (22%), умным (16%), честным (15%) и добрым (9%), разделять взгляды и интересы (17%). Отметим, что те респонденты, кто видит в браке «союз с целью создания семьи и рождения детей» чаще других выбирали «высокий социальный статус», «материальное положение» и «доброту»; те, кто считает брак показателем серьёзности отношений, чаще выбирали «верность» и «интеллект». Имеющие постоянную работу респонденты реже, чем живущие на средства родителей или «партнёра», фиксировались на материальном положении и социальном статусе и чаще — на личных качествах будущего спутника жизни. Примечательна связь с атмосферой в родительской семье: респонденты, выросшие в счастливой семье, чаще выбирали «честность» и «доброту», в «нормальной семье, где были как хорошие, так и плохие моменты» — «чувство юмора» и «хорошее воспитание»; в неблагополучной — «высокий социальный статус».

Неверный выбор чреват разводом, причинами которого являются измены (18%), спешка при заключении брака (16%), разные взгляды на жизнь (13%), быт (11%), оставшие чувства (10%). Выходцы из семей с хорошим психологическим климатом чаще указывали на вредные привычки или нежелание одного из супругов иметь детей, а из неблагополучных — семейное насилие. Жители крупных городов чаще называли измены и поспешность с заключением брака, малых городов — быт и измены, селяне — быт. С разводом связан вопрос о сохранении брака ради детей. По общему мнению участников фокус-групп, де-

лать этого не стоит: «Зачем им жить в семье, где мама с папой постоянно ругаются? Лучше позаботиться об их психическом здоровье и растить в доброй атмосфере, пусть даже и с одним родителем».

Были обсуждены и «гражданские браки» — более подробно на фокус-группах. Отношение к ним неоднозначное: противники видят в них риски («самый весомый — финансовая незащищённость, если они решат разойтись, может возникнуть трудность с разделом имущества и детей»), способ избежать ответственности («люди не готовы брать на себя ответственность за партнёра, им кажется, что если они узаконят брак, то будут обязаны что-то делать»), причём «боятся ответственности и мужчины, и женщины») или её несимметричность («это односторонняя ответственность: девушка отвечает за быт парня, а он за неё — нет»). Особенно чётко разница во мнениях проявилась при обсуждении появившейся в СМИ идеи приравнивания «гражданского брака» к официальному после 6 лет сожительства. Одна часть участников, независимо от пола, выступала против (если люди долго живут вместе, и у них всё хорошо, то государству не стоит вмешиваться), другая — за (если причина — в боязни ответственности, то если такой «брак» длится долго, государство «должно помочь людям принять решение»). В рамках массового опроса положительно идею оценили 55% респондентов. Скорее или резко отрицательно — те, кто воспринимает брак как союз для создания семьи и рождения детей, как логичный шаг в отношениях между мужчиной и женщиной, как показатель серьёзности отношений. Заметим, что те, кто относится к этой идее положительно, позитивно настроены и в отношении брачного договора; и наоборот — неприятие «узаконивания» сожительства сочетается с отрицательным отношением к брачному контракту. Как бы то ни было, перед тем, как заводить детей, брак надо заключить (мнение всех участников), поскольку тогда меньше вероятность того, что отец уйдёт (а если и уйдёт, то будет легче взыскать алименты), и будет лучше атмосфера в семье («Не надо

будет никому доказывать, чей это ребёнок, не будет травмироваться его психика. Появление детей до брака принуждает заключить брак — это минус»).

Репродуктивные установки и поведение. По мнению 81% опрошенных, сегодня молодёжь вступает в половые отношения в 16–18 лет (ещё 13% полагают, что в более юном возрасте). Первый опыт половой жизни лучше всего получить в возрасте 16–18 (мнение 34%) или 19–22 лет (30%), ещё 32% полагают, что важен не возраст, а встреча с подходящим человеком. На то, что вступление в интимные отношения должно быть привязано к регистрации брака, указали лишь 2%. О контрацепции сами респонденты чаще всего узнавали из Интернета (31%) и от друзей (22%), заметно реже — от родителей (15%) и из школьных уроков (11%). Из ведущих половую жизнь (таковых — 74%), подавляющее большинство (84%) предохраняется — с целью предотвращения беременности (59%) и венерических заболеваний (36%). Это соответствует общей установке на планируемую беременность (87%). Однако не всем это удаётся: 2% студенток сами делали аборт, а у 54% респондентов есть прошедшие через аборт знакомые. При этом 73% полагают, что никакой аборт не считается безопасным, среди его наиболее распространённых последствий: бесплодие (31%), гормональные нарушения (23%), заболевания органов малого таза (11%), а также «моральные терзания из-за совершенного» (23%). Заметим, что последнее в виде осуждения со стороны окружающих назвали лишь 9%.

Абсолютное большинство (81%) респондентов относится к женщинам, сделавшим аборт, нейтрально, полагая, что это — их личное дело. Разногласия возникают по вопросу, кто должен принимать решение об аборте (53% — должно приниматься совместно, 45% — женщиной). Среди причин абортов чаще всего назывались незапланированный характер беременности (29%) и низкий уровень жизни (24%), заметно реже — отсутствие мужа (12%) и принципиальное нежелание иметь детей 13%. Юноши чаще в качестве причин абортов указы-

вали на наличие другого ребёнка/детей, отсутствие мужа, принципиальное нежелание иметь детей; девушки — на давление родственников, состояние здоровья матери или ребёнка, низкий уровень жизни. В качестве приемлемых оправданий для аборта чаще других назывались риск для жизни и здоровья матери (35%) и обнаружение отклонений в развитии плода (23%). В то же время более четверти респондентов полагают приемлемым совершение аборта в случае, если «не хватает средств на воспитание ребёнка» (19%) или «рождение ребёнка резко снижает уровень жизни его матери/семьи» (8%). При этом респонденты с нейтральным отношением готовы принять в качестве оправданий низкий уровень жизни и медицинские показания; со скорее отрицательным — только угрозу жизни и здоровью матери или отклонения в развитии плода; с резко отрицательным — никакие причины не считают уважительными. Большинство участников фокус-групп относятся к сделавшим аборт женщинам также нейтрально («так же, как к другим женщинам, ни в коем случае не с осуждением») и считают запрет абортов нецелесообразным: «Аборт оправдан, если ребёнок будет иметь какое-либо заболевание или отклонения. Во всех остальных случаях хочется задать такой женщине вопрос, о чем она думала. Но я не поддерживаю запрет абортов, так как, если это незапланированный ребёнок, он окажется в детдоме, либо в семье, где его не будут любить». Они также разделились пополам на тех, кто полагает, что решение об аборте должно быть совместным, и тех, кто считает это прерогативой женщины, но указывали на моральные издержки именно для женщин: «Оба должны принимать решение, но окончательное решение — за женщиной. Потому что это ей жить с мыслью, что она не стала началом новой жизни».

Обратимся к репродуктивным предпочтениям. По мнению 57% респондентов, идеально иметь двоих детей, 33% — троих. Применительно же к себе чуть более половины (53%) респондентов ориентируются на двоих детей, каждый четвёртый — на троих, 13% планируют рождение одно-

го ребёнка. При этом девушки чаще хотят иметь одного или двоих детей, юноши чаще либо вовсе не желают иметь детей, либо хотят иметь троих и более детей. В ходе массового опроса наиболее подходящим для рождения первого ребёнка назывался возраст 23–26 лет. Мнение участников фокус-групп — 25–30 лет: «в этом возрасте родители и финансово, и морально состоялись, готовы брать ответственность за ребёнка». И юноши, и девушки подчёркивали: рожать детей нужно тогда, когда ты можешь дать им любовь и внимание, а самое главное — материально обеспечить. Материальные соображения прозвучали и в ответах на вопрос об отношении к отцам, берущим декретный отпуск (поддержало большим декретный отпуск): «И отец, и мать стремятся сделать жизнь ребёнка счастливой, поэтому не важно, кто будет в декрете. В нашем мире важно материальное положение. Поэтому если женщина может заработать больше, и им обоим комфортно при таком решении, то все в порядке».

Планирующие в будущем иметь детей (таких 94%) делали акцент на том, что дети нужны для продолжения рода (36%), для того, «чтобы было кого любить и о ком заботиться» (27%), что «настоящей семьи без детей не бывает» (17%) и что «в доме веселее, когда там есть дети» (13%). Из тех очень немногих, кто не планирует иметь детей, одна часть объясняла это желанием пожить для себя (21%), тем, что дети мешают карьере (17%), серьёзно «ограничивают свободу делать то, что хочешь» (10%), доставляют много хлопот (3%), вообще нелюбовью к детям, а другая часть — боязнью ответственности за ребёнка (10%), беременности и родов (7%), наличия у ребёнка имеющихся в роду генетических заболеваний (7%), либо отсутствием жилищных условий (10%), финансовых возможностей (7%), здоровья (3%). Наблюдается зависимость между репродуктивными установками и степенью взаимопонимания «отцов и детей». Если взгляды со старшим поколением совпадают, то среди таких респондентов практически нет тех, кто не хочет иметь детей, а те немногие, кто заявляет о нежелании, объясняют

его стремлением пожить для себя (преходящий фактор). Не желающие иметь детей респонденты, у которых есть незначительные расхождения во взглядах со старшим поколением, объясняют свою позицию, прежде всего, объективными причинами (финансовыми затруднениями и отсутствием жилищных условий), а также тем, что дети ограничивают свободу действий. У тех же студентов, которые радикально расходятся во взглядах с родителями, нежелание иметь детей связано с нелюбовью к детям как таковым, с предостережением о том, что они доставляют много хлопот.

Респондентам было также предложено высказать своё отношение к двум противоположным моделям репродуктивного поведения — многодетности и осознанной бездетности (childfree). Согласно полученным данным, 88% респондентов знают, что такое childfree, и, по словам 54% опрошенных, среди их знакомых есть те, кто разделяет эти взгляды. При этом 90% респондентов нейтрально относятся к исповедующим философию childfree, исходя из того, что выбор жизненной позиции в этом вопросе — сугубо индивидуальный; на негативное отношение указали 7%, а 3% признались, что сами придерживаются подобных взглядов. С учётом отмеченных ранее зависимостей не удивительно, что респонденты, чьи взгляды на семью совпадают со старшим поколением, относятся к childfree отрицательно; если взгляды незначительно расходятся — отношение нейтральное; если же расходятся кардинально — относятся с одобрением. Большинство участников фокус-групп не имеет знакомых, исповедующих childfree, но к такой позиции относятся без осуждения, подчёркивая, что *«childfree не равно не любить детей или не способность иметь детей, это — осознанный выбор, сделанный людьми по тем или иным причинам. У всех разные представления о жизни. Все видят свою реализацию в разных сферах, в том числе, отличных от создания семьи. Я их не осуждаю, это нормально, если у них другое счастье в жизни»*. Кроме того, те участники фокус-групп, кто связывает философию childfree с гедонистическими установка-

ми и страхом ответственности за маленького человека, уверены, что рано или поздно взгляды изменятся: *«У меня есть такие знакомые. Они придерживаются такого стиля жизни, потому что боятся ответственности, хотя и пожить в своё удовольствие, не обременять себя лишними обязанностями. Но однажды они, все же, захотят завести семью и быть родителями»*. В то же время, участники, негативно относящиеся к исповедующим взгляды childfree, выражались весьма резко: *«Если человек считает, что жизнь без детей лучше, пусть на нем закончится его род. Такие люди обществу не нужны. Это глупо»*.

Что касается отношения к многодетности, абсолютное большинство (91%) имеют знакомых, выросших в многодетных семьях. Большинство ассоциаций, выбранных респондентами из предложенных им суждений о многодетных семьях, — положительные, а больше других набрали голосов (каждое около 14%) такие: «у выходцев из многодетной семьи всегда есть на кого положиться, в такой семье очень развита взаимопомощь», «дети из многодетной семьи вырастают более самостоятельными», «старшие дети помогают по хозяйству и следят за младшими». Из негативных ассоциаций более других набрали голосов (каждое около 5%) следующие: «в многодетной семье невозможно нормально воспитать детей, так как у родителей не хватает сил и времени на всех», «дети из многодетных семей чувствуют себя ущемлёнными, так как их родителям не хватает средств, чтобы покупать им вещи как у других детей». Среди респондентов, у которых многодетные семьи вызывают негативные ассоциации, преобладают не имеющие родных братьев или сестёр, а также знакомых — выходцев из многодетных семей. Преобладали отрицательные ассоциации и у самых молодых респондентов, полагающих, что «многодетные семьи плодят нищету», «много детей заводят безответственные люди» и так далее. Более взрослые респонденты чаще указывали на положительные ассоциации, такие как: «в многодетных семьях дети не вырастают эгоистами», «если в семье мно-

го детей, значит, родители любят друг друга». Участникам фокус-групп многодетная семья видится преимущественно в позитивном ключе: как та, «в которой все заботятся друг о друге; у детей всегда есть друг в лице брата и сестры; старшие дети помогают родителям заботиться о младших; все достаточно близко между собой». Хотя указывалось и на возможные проблемы: «Когда больше детей, во-первых, сложно с обеспечением, во-вторых, даже если семья — богатая, то все равно всем внимание в одинаковой мере не уделить. Пока ты за малыши следишь, больше уже «косячат» где-то, какой-то ребёнок связывается не с той компанией». Что касается побудительных мотивов рождения троих и более детей, то здесь мнения участников фокус-групп разделились. Если одна часть уверена в том, что побудить к этому может исключительно собственное желание и большая любовь к детям, то другая часть указала на льготы и пособия, предоставляемые государством многодетным семьям.

Респондентам было также предложено высказать своё отношение к использованию вспомогательных репродуктивных технологий — экстракорпоральному оплодотворению (ЭКО) и суррогатному материнству. К плюсам ЭКО респонденты отнесли, прежде всего, возможность забеременеть женщинам с проблемами репродуктивного здоровья (79%); существенно реже указывали на возможность забеременеть в зрелом возрасте (9%), использовать донорский биоматериал (7%), «отстреляться за один раз», родив часто получающуюся при ЭКО двойню (3%). А к минусам — дороговизну процедуры, притом, что беременность не гарантирована (52%) и опасность для здоровья женщины (29%). Что касается суррогатного материнства, то, по мнению почти двух третей респондентов, оно допустимо исключительно по медицинским показаниям: при бесплодии одного или обоих супругов (26%), наличии заболеваний, при которых беременность и роды полностью противопоказаны (24%), многократных выкидышах (14%). Ещё часть респондентов считает, что к нему могут прибегнуть вы-

шедшие из репродуктивного возраста женщины (14%) и одинокие мужчины (9%). На неприемлемость суррогатного материнства ни в какой ситуации указал 1% опрошенных. Общее мнение участников фокус-групп состояло в том, что «суррогатное материнство приемлемо для всех случаев, кроме цели сохранения фигуры».

Внутрисемейные отношения. В данном блоке речь шла об отношениях между супругами, родителями и детьми, а также между взрослыми детьми и родителями. Такая новая тенденция, как заключение брачных контрактов, воспринимается молодёжью: 35% опрошенных относится к этому положительно и ещё 34% — скорее положительно; о резко негативном отношении заявили 7%. Что касается ответственных за пополнение семейного бюджета, то здесь мнения разделились: 41% респондентов полагают, что неважно, кто вносит основной вклад, главное, чтобы оба супруга чувствовали себя комфортно, но 38% отводят роль главного добытчика мужчине. В отношении распоряжения заработанными супругами средствами мнения также разделились: большинство (61%) полагают, что все деньги должны направляться в семейный бюджет (заметим, что среди бывших сельчан вообще нет тех, кто думает иначе); 23% — что объединять деньги супругов нужно только для крупных покупок, в обычной же ситуации каждый сам тратит то, что заработал, и ещё 6% выступают за самостоятельное распоряжение каждым супругом своим заработком (заметим, что эту модель отрицают бывшие жители малых городов).

Абсолютное большинство респондентов в той или иной степени уверены в том, что при необходимости родители должны материально помогать своим взрослым детям (40% выбрали ответ «да» и 46% — «скорее, да»). И ещё больше (98%) декларируют аналогичную обязанность взрослых детей по отношению к представителям старшего поколения (в этом случае уже 70% выбрали ответ «да» и 28% — «скорее, да»). И, судя по результатам опроса, их родители так и поступают, во всяком случае, 91% респондентов указали, что их семьи помогают ба-

бушкам и дедушкам материально (на этот вид помощи указали 54%) или по хозяйству (28%), либо не помогают, но лишь потому, что те не нуждаются в помощи (10%). Пожилые родственники 93% респондентов поступают аналогично (помогают своим детям и внукам материально (26%) или по хозяйству (36%), а если не помогают, то потому, что в этом нет нужды (32%). В малых городах и сёлах, судя по результатам опроса, представители старшего поколения в основном оказывают своим детям и внукам материальную помощь.

Что касается вопроса, приемлемо ли сегодня взрослым детям жить с родителями, мнения респондентов разделилось почти пополам: 47% в той или иной степени полагают совместное проживание приемлемым (14% — «да», 33% — «скорее, да»), 54% не считают такую ситуацию приемлемой (13% — категорически). При этом к первой группе относятся студенты, живущие вместе с родителями, а также в основном не имеющие расхождений во взглядах на семью, а ко второй — те, кто живёт отдельно от родителей (одни либо с супругом/сожителем), а также радикально расходящиеся с ними во взглядах. Отметим также связь между мнениями о приемлемости проживания вместе с родителями и об обязанности родителей помогать взрослым детям: считающие совместное проживание с родителями приемлемым полагают, что родители должны при необходимости материально помогать детям, противники совместного проживания уверены в обратном. Правда, и на отсутствие у взрослых детей обязанности помогать родителям, в основном, указывают респонденты, проживающие одни или с супругом/сожителем.

Установки относительно распределения ролей в семье представляют собой смесь старого и нового. С одной стороны, более трех четвертей респондентов полагают, что семейные обязанности являются общим делом. С другой, есть обязанности, которые часть респондентов закрепляют за мужем или женой. Так, почти 70% полагают, что за ремонт и починку сломавшихся вещей отвечают мужчины; ещё часть опро-

шенных (правда, гораздо меньшая) вменяет им в обязанность оплату нарядов и развлечений (22%) или в целом содержание семьи (19%). К чисто женским обязанностям часть респондентов относит приготовление еды (44%), поддержание чистоты в доме (31%), заведывание семейным бюджетом в части планирования покупок, учёта расходов (14%). По мнению абсолютного большинства респондентов (87–91%), оба супруга должны: принимать решения относительно будущего семьи, заботиться обо всех ее членах, делать покупки, а также воспитывать детей (вне зависимости от их пола). Что касается подходов к воспитанию, то, по мнению 85% опрошенных, идеальная модель — это дружеские отношения с ребёнком, поскольку главное — это доверие (вариант ответа с акцентом на непререкаемость авторитета родителей, поскольку главное — это послушание, выбрали 7% респондентов). О дружбе и доверии как залого подлинного авторитета говорили и участники фокус-групп: *«Когда есть доверие, родитель автоматически становится для ребёнка авторитетом, ребёнок приходит к родителю за советом, прислушивается к нему».*

Выводы

Как показало наше исследование, студенческая молодёжь, действительно, настроена откладывать заключение брака и рождение первого ребёнка на более поздние сроки. Однако, судя по тому, какие ассоциации преимущественно вызывает слово брак; какие смыслы вкладываются респондентами в рождение ребёнка; каким им видится идеальное количество детей и то число детей, на которое ориентируются они сами; каково их отношение к многодетным семьям, к оказанию помощи старшим поколениям, причины этого отнюдь не в снижении ценности семьи и родительства. И не в инфантилизме (во всяком случае, у большинства): в ответах на разные вопросы, так или иначе, звучит тема «ответственности» (за жизнь маленького человека, за своего спутника), которая во многом сопрягается с возможностью надёжно обеспечить

семью, что, в свою очередь, увязывается с профессиональным становлением — своим и будущего супруга.

Но можно ли упрекать молодёжь за то, что она трезво оценивает реалии, кстати, уготованные ей предыдущими поколениями? Если в течение предшествующих лет сами представители государства признавали: именно семьи с детьми, в первую очередь, находятся в зоне риска бедности². Если являющееся условием для создания семьи решение «квартирного вопроса» многим молодым видится труднодостижимым [8]. Можно, конечно, ссылаться на прежние поколения, рожавшие в гораздо более скучные в материальном и бытовом плане времена. Однако, во-первых, то было время всеобщей и стабильной занятости; теперь же к ничего не гарантирующему рынку, а также все более уходящему от бессрочных трудовых договоров бюджетному сектору, добавляется цифровизация, грозящая исчезновением не одному десяtku профессий. Во-вторых, было бесплатное образование и медицинская помощь; теперь же коммерциализация затронула все без исключения ступени образования и государственное здравоохранение. Наконец, то была жизнь в относительно однородном с точки зрения потребительских возможностей обществе; нынешняя же молодёжь живёт в обществе с высоким уровнем избыточного неравенства и, как следствие, завышенными стандартами потребления, не соразмерными доходам большинства. Почти 20 лет назад на основе российской ста-

тистики и математического моделирования было убедительно показано: избыточное неравенство негативно влияет не только на экономический рост, но и на демографическую динамику, в том числе, способствуя снижению рождаемости. Потому что, задумываясь о детях, люди (особенно более чувствительная к мнению окружения молодёжь) исходят не из абсолютного размера своего дохода, а из сравнения своих потребительских возможностей с уровнем потребления референтных групп [9]. Тогда было предложено и решение: снижающая неравенство до нормальных величин комбинация прогрессивного налогообложения доходов и социальных трансфертов, подтягивающих доходы малообеспеченных слоёв. Однако, эти рекомендации так и не были претворены в жизнь, вместо этого, в полном соответствии с неолиберальной парадигмой, усилился крен в сторону селективной модели социальной политики и ужесточения критериев нуждаемости [10]. Да, на фоне экстраординарных событий, случившихся в 2020 и 2022 гг., размеры выплат пособий семьям с детьми, «материнского капитала» были увеличены, расширились возможности получения льготной ипотеки. Но достаточно ли ситуативных решений (без пересмотра всей социально-экономической политики) для того, чтобы молодёжь в ином свете увидела реалии, в которых ей предстоит растить детей, и, идя навстречу пожеланиям государства, массово согласилась бы становиться родителями и раньше, и чаще?

² Минтруд сообщил, что большая часть бедных в РФ — это семьи с детьми // Интерфакс, 4 июня 2021 года.

Литература и Интернет-источники

1. **Лапин, Н. И.** Ценности, группы интересов и трансформация российского общества / Н. И. Лапин // СОЦИС. — 1997. — № 3. — С. 14–24. EDN: MOXGHR
2. **Ежевская, Т. И.** Ценности как важный психологический ресурс личности / Т. И. Ежевская // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. — 2010. — № 2(22). — С. 55–59. EDN: MSXVMD
3. **Шестаков, К. А.** Детерминанты репродуктивного поведения или почему рожают больше трёх? / К. А. Шестаков // Семья и социально-демографические исследования. — 2014. — Апрель. — URL: <https://web.archive.org/web/20150203071654/http://demographia.net/journal/2014-04/shestakov> (дата обращения: 09.02.2024).

4. **Сабельникова, Е. В.** Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация / Е. В. Сабельникова, Н. Л. Хмелева // Образование и наука. — 2016. — № 3(132). — С. 89–105. DOI:10.17853/1994-5639-2016-3-70-105; EDN: VRBXHT
5. **Бочавер, А. А.** Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории / А. А. Бочавер, А. В. Жилинская, К. Д. Хломов // Современная зарубежная психология. — 2016. — Т. 5. — № 2. — С. 31–38. DOI:10.17759/jmfp.2016050204; EDN: WJIABT
6. **Исаков, А. В.** Родительство как ценность в современном российском обществе: автореф. дис. ... к. филос. н. по специальности 09.00.11 / А. В. Исаков. — Чита, 2016. — 24 с.
7. **Шереги Ф. И.** Политические установки студентов российских вузов / Ф. И. Шереги // СОЦИС. — 2013. — № 1(345). — С. 63–78. EDN: PMKWNH
8. **Александрова, О. А.** «Купить нельзя арендовать»: куда поставит запятую столичная молодёжь? / О. А. Александрова, Е. И. Борковская // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. — 2019. — Т. 9. — № 5(41). — С. 97–105. DOI:10.26794/2226-7867-2019-9-5-97-105; EDN: TRPMCN
9. **Шевяков, А. Ю.** Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи / А. Ю. Шевяков, А. Я. Кирута. — Москва : М–Студио, 2009. — 187 с.
10. **Александрова, О. А.** Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности / О. А. Александрова, А. В. Ярашева // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 1. — С. 4–21. DOI:10.26653/1561-7785-2018-21-1-01; EDN: URJAXQ

Сведения об авторе:

Александрова Ольга Аркадьевна, д.э.н., зам. директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН; проф. Финансового университета при Правительстве РФ; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия. Контактная информация: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; PИНЦ AuthorID: 257224.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119

INFANTILE OR RESPONSIBLE: STUDENTS ABOUT NEW TRENDS IN THE MARRIAGE AND FAMILY AND REPRODUCTIVE SPHERES

Olga A. Aleksandrova

Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

Financial University under the Government of the Russian Federation

(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

Research Institute of Healthcare Organization and Medical

Management of the Moscow Department of Healthcare

(9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia, 115088)

For citation:

Aleksandrova O. A. Infantile or responsible: students about new trends in the marriage and family and reproductive spheres. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 51. P. 107-119. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119 (in Russ.)

Abstract. *In recent decades, Russian society has observed trends having a negative impact on demographic dynamics: an increase in the age of marriage, postponing the birth of the first child, a focus on a small number of children, and high rates of divorce and abortion. Reproaching modern youth with hedonism and infantilism, preoccupation primarily with their own career and material well-being, but not with starting a family, has become commonplace. However, the latter is in conflict*

with the value system articulated by young people, in which «family» invariably occupies the first place. The article attempts to answer the question of whether there is a value shift or even a conflict, or whether one is a necessary condition for the implementation of the other. The empirical basis was the results of a sociological study, the purpose of which was to identify the ideas and attitudes of student youth regarding new trends in the field of marriage and family relations and reproductive behavior. The data obtained indicate that young people are indeed inclined to postpone marriage and the birth of their first child to a later date. However, judging by what associations the word «marriage» predominantly evokes; what meanings are invested by respondents to the birth of a child; what they see as the ideal number of children and the number of children they themselves are guided by; what is their attitude towards large families, towards providing assistance to older generations, the reasons for this are not a decrease in the value of family and parenthood. And not in infantilism: on the contrary, in the answers, the theme of «responsibility» is largely associated with the ability to reliably provide for the family. Such attitudes are a reaction of young people to the current socio-economic context; accordingly, changes in the reproductive behavior patterns can be expected with its significant adjustment, transition from a set of situational measures to a full-fledged social policy.

Keywords: youth, students, marriage, family, children, parents, family relationships, reproductive behavior, values, attitudes.

References and Internet sources

1. Lapin N. I. Tsennosti, gruppy interesov i transformatsiya rossiyskogo obshchestva [Values, interest groups and transformation of Russian society]. SOTSIS [Sociological Studies]. 1997. No. 3. P. 14–24. (in Russ.)
2. Yezhevskaya T. I. Tsennosti kak vazhnyy psikhologicheskiy resurs lichnosti [Values as important psychological resource of a person]. Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya [Humanitarian Vector. Series: Pedagogy, Psychology]. 2010. No. 2(22). P. 55–59. (in Russ.)
3. Shestakov K. A. Determinanty reproduktivnogo povedeniya ili pochemu rozhayut bol'she trokh? [Determinants of reproductive behavior or why do they give birth more than three?] Sem'ya i demograficheskiye issledovaniya [Family and demographic research]. 2014. April. Available at: <https://web.archive.org/web/20150203071654/http://demographia.net/journal/2014-04/shestakov> (Accessed: 2 February 2024). (in Russ.)
4. Sabelnikova E. V., Khmeleva N. L. Infantilizm: teoreticheskiy konstrukt i operatsionalizatsiya [Infantilism: theoretical construct and operationalization]. Obrazovaniye i nauka [Education and Science Journal]. 2016. No. 3(132). P. 89–105. (in Russ.)
5. Bochaver A. A., Zhilinskaya A. V., Khlomov K. D. Perspektivy sovremennykh podrostkov v kontekste zhiznennoy trayektorii [Prospects of modern adolescents in the context of life trajectory]. Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 31–38. (in Russ.)
6. Isakov A. V. Roditel'stvo kak tsennost' v sovremennom rossiyskom obshchestve [Parenthood as a Value in Modern Russian Society]. Author's abstract of Cand. Diss. Chita. 2016. 24 p. (in Russ.)
7. Sheregi F. I. Politicheskiye ustanovki studentov rossiyskikh vuzov [Political attitudes of students of Russian universities]. SOTSIS [Sociological Studies]. 2013. No. 1(345). P. 63–78. (in Russ.)
8. Aleksandrova O. A., Borkovskaya E. I. «Kupit' nel'zya arendovat'»: kuda postavit zapyatuyu stolichnaya molodozh'? [Buy or rent: what do metropolitan youth chose?] Gumanitarnyye nauki. Vestnik finansovogo universiteta [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]. 2019. Vol. 9. No. 5(41). P. 97–105. (in Russ.)
9. Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya. Neravenstvo, ekonomicheskiy rost i demografiya: neissledovannyye vzaimosvyazi [Inequality, Economic Growth and Demography: Unexplored Relationships]. Moscow. M-Studio. 2009. 189 p. (in Russ.)

10. Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V. Usileniye selektivnosti sotsial'noy politiki i perspektivy snizheniya bednosti [Strengthening the selectivity of social policy and poverty reduction prospects]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 4–21. (in Russ.)

Information about the author:

Aleksandrova Olga Arkadyevna, Doctor of Economics, Deputy Director for Research, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAC RAS; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; Elibrary AuthorID: 257224.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.